

Слепые и зрячие

В августе газета *Il Foglio* выпустила репортаж о «лаборатории Монфальконе». Этот фриульский город взят в качестве модели будущего Италии: «страна стариков». Однако верфи, жизненно важный элемент городской экономики, демонстрируют другую сторону, неотделимую от первой: «половина рабочих – итальянцы, остальные – представители более чем 60 различных национальностей». Из 800 рождающихся здесь детей почти половина – иностранного происхождения, прежде всего – бенгалцы.

Будущее Италии

Будущее Италии можно продемонстрировать «математически», в том смысле, что оно уже заложено в цифрах сегодняшней демографической реальности. Никто не может игнорировать эти факты, даже правительство. Так, в 14-м докладе «Иностранцы на рынке труда в Италии», подготовленном Министерством труда и социальной политики, отмечается постепенное старение населения и, соответственно, сокращение рабочей силы: к 2050 году доля жителей в возрасте от 15 до 64 лет сократится на 9 пунктов, с 63,5 до 54,3 % от общей численности населения. Уже сейчас, в 2024 году, средний возраст итальянских граждан («коренных жителей») составляет 47,1 года, увеличившись на пять с половиной лет с 2002 года. На этом фоне средний возраст иностранных граждан в Италии составляет 35,9 лет, что на 11 лет меньше. Однако мигранты тоже стареют. И это ещё один аргумент в пользу привлечения большего числа молодых иммигрантов: это единственный способ контролировать старение.

Это признаёт и Сальваторе Росси, бывший генеральный директор Bankitalia (*Il Foglio*, 4 сентября): идея стимулировать экономический рост за счёт повышения уровня занятости и производительности труда, а тем более рождаемости, сталкивается с проблемой сроков, необходимых для смены поколений: в связи с этим сейчас срочно необходимы «*постоянные иммигранты, которые знают или быстро учат итальянский язык*». Более того, хорошо известно, что «*эмигрируют не те, кто очень беден и неграмотен, а те, кто обладают знаниями и решимостью*». Проблема, предупреждает он, заключается в том, что «*приём и легализация требуют больших усилий и организационного интеллекта*», в существовании которого он сомневается.

На деле же, мы видим, сколько усилий прикладывается, чтобы создать иммигрантам больше препятствий: от соглашений с ливийскими головорезами, призванных сократить число тех, кто может выбраться из Африки (из-за чего потенциальные рабочие-иммигранты гибнут в пустыне), до многочисленных бюрократических препон, усложняющих жизнь тем, кто уже приехал – вплоть до мелких пакостей, как в Монфальконе, где, с целью избежать «сборищ» – очевидно, мигрантов, – решили демонтировать скамейки на городской площади.

Всё то же правительство, которое в моменты «прозрения» осознавало необходимость увеличения въездных потоков, опять взялось за старое и лишила всех иммигрантов, даже прибывших из других европейских стран, права на получение пособия на первого ребёнка, что привело к обращению в Суд ЕС в июле.

Их политика и наша политика

В том, как *их политика* решает стратегический вопрос иммиграции, кроется очевидный парадокс. На это указывает исследование Венецианского университета Ка-Фоскари, опубликованное 12 августа в *Journal of Public Economics*. На сайте университета оно представлено следующим образом: «*В силу своего рода парадокса поколений, в демографически стареющих обществах выбор пожилых людей при голосовании склоняется в пользу ограничительной иммиграционной политики*». Вместо этого даже «*на интуитивном уровне избиратель, который пользуется пенсиями и услугами, подпитываемыми за счёт налоговых поступлений, должен положительно относиться к въезду в страну молодых работников, вносящих вклад в государственные финансы*».

Проблема состоит не только в шизофреническом поведении. Дело в том, что эти пожилые, не лишённые капитала и, как следствие, боязливые социальные слои являются электоральной базой всех парламентских партий, готовых ради их голосов играть со стратегическими вопросами, такими как иммиграция. Именно поэтому ни одно

правительство, какого бы цвета оно ни было, никогда не считало нужным продвигать возможность получения гражданства для детей иммигрантов.

Более того, иммиграционный вопрос является “чувствительным” не только в Италии: он стал общим знаменателем для многочисленных электоральных восстаний, которые повсеместно вспыхивают на политическом ландшафте, а также основой следующей за ними политики в духе “закона и порядка”.

Тем не менее, как мы уже убедились, достаточно и тех, кто смотрит на демографическую перспективу. Нередко они делают и некоторые расчёты. Клаудио Сераса, редактор *Il Foglio*, пишет: *«Чем помочь им на их родине, лучше поможем им у нас дома»* (24 августа). Ещё более реалистичен экономист Микеле Тирабоски: *«Возможно, это звучит цинично, но “новые итальянцы” внесут более чем весомый вклад в то, чтобы наши счета оставались в порядке»* (*Il Messaggero*, 24 августа).

Мы же смотрим на миграционный феномен с классовой точки зрения: мигранты составляют всё более важную часть нашей силы. В Италии иностранцы составляют 11 % работающих по найму, то есть более двух миллионов человек, мигрантом является каждый девятый. К ним следует добавить тех, кто со временем успел получить итальянское гражданство: по оценкам ISTAT, в стране насчитывается миллион натурализованных иммигрантов старше 15 лет, около половины из которых работают (3 февраля 2023 г.).

В 14-м отчёте Министерства труда сообщается, что в 2023 году 35 % компаний, нанимавших работников, брали на работу иммигрантов: в основном это характерно для сельского хозяйства и строительства, но и в промышленности их доля составила 38 %. Причём это касается всех профессиональных уровней: с 2019 по 2023 год спрос на работников-иммигрантов вырос на 69 %, но при этом удвоился для квалифицированных работников и вырос на 75 % для технических профессий.

Не все работники равны

Именно в этих секторах становится очевидной сегрегация иностранных работников по уровню заработной платы: *«Доход работающих мигрантов составляет около 70 % от дохода местных жителей с тем же уровнем формального образования. Это один из самых низких показателей в ЕС. Он будет ещё ниже, если учитывать только мигрантов, проживающих в стране менее 10 лет»*.

Часто ссылаются на тот факт, что уровень женской занятости среди мигрантов ниже, чем у итальянцев: обычно объяснения сводятся к большему количеству детей или даже к «культурным факторам». В докладе приводится следующее наблюдение: *«В отличие от коренных жителей, которые часто находят работу в государственном секторе, пользуясь более гибкими условиями труда и длительным отпуском по уходу за ребёнком, матери-мигрантки в большей степени представлены в простейших профессиях»*. Что касается безопасности, то мигранты также платят более высокую цену: риск несчастного случая на работе для них в два раза выше, чем для итальянцев. То же самое относится и к уровню абсолютной бедности, то есть невозможности пользоваться корзиной товаров и услуг, которые считаются необходимыми: это касается 6,4 % семей, состоящих только из итальянцев, но 28,9 % семей с иностранцами и 33,2 % семей, состоящих исключительно из иностранцев. Разница – в пять раз.

Солидарное добровольчество и коммунистическая стратегия

На этой почве добровольчество солидарности рабочих кружков имеет широкие возможности для деятельности: от материальной поддержки самых обездоленных до школ итальянского, облегчающих поступление на работу и получение гражданства. Но здесь речь также идёт о почве для интернационалистской практики, где итальянские рабочие могут лично вести борьбу за классовое единство, конкретными действиями опровергая расистские идеологии и демагогию, направленную на то, чтобы разделить наёмных работников по языковому, этническому или религиозному признаку.

Это фундаментальный опыт, который в сочетании с расширением фронтов политической борьбы, ежедневно ведущейся рабочими кружками, может привести к развитию интернационалистского сознания. Сегодня это также одна из форм *материалистического* обретения сознания.

Сентябрь 2024 г.